

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 9

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2023

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию К 100-летию «Философского парохода»

- А.А. Гусейнов** – Философия и идеология (к столетию «Философского парохода»).....5
М. Денн – Почему он не уехал? Густав Шпет и революция..... 14
Л.Н. Летягин – Идеи и педагогический опыт философов Серебряного века
(обзор направления «Философия образования и педагогическое наследие
русской эмиграции»)..... 22
Д.В. Масленников, В.А. Егоров – Обзор направления
«Русская эмиграция: религия, философия, культура»..... 26
П.А. Ольхов, Е.Н. Мотовникова – Историческое понимание:
опыт «ушедшей расы» (обзор направления «Герменевтическая традиция
в русской философии XX столетия»)..... 29

Философия, культура, общество

- В.К. Шохин** – Философская дезинтеграция и шанс практической философии..... 32
М.И. Билалов – Познавательная культура и представления об истине..... 45
Т.Ю. Сидорина – Homo irretitus & homo faber: человек трудящийся
в зоне риска..... 50
А.В. Щипков – Трансформация идентичности и реабилитация идеологии
в условиях нарастания мирового кризиса..... 60

Философия и наука

В.Н. Порус – Политическая субъектность науки как тема философии науки.....	71
И.А. Бескова – Естественный и искусственный интеллект: точки соприкосновения.....	83
Д.Э. Гаспарян, Д.С. Турко, Е.В. Бессчетнова – Этические ограничения применимости искусственного интеллекта: культурфилософский анализ.....	93
С.А. Филипенко – Неявное знание в цифровой гуманитаристике.....	103
В.С. Левицкий – Онтология и схематизм философии истории.....	114

К 130-летию Алексея Федоровича Лосева

П.В. Резвых – А.Ф. Лосев о классификации искусств в немецкой эстетике: тезисы 1933 года.....	125
А.Ф. Лосев – Классификация искусств в немецкой эстетике. Подготовка текста и публикация П.В. Резвых.....	134
И.В. Гравина – Возвращение к апофатике: неоплатонизм Алексея Лосева и Жака Деррида.....	141

Прорыв к трансцендентному

Материалы конференции памяти Пиамы Павловны Гайденко

Д.Н. Дроздова – Пиамы Павловны Гайденко как историк науки.....	151
И.А. Михайлов – Путь к «нормальной науке» через экзистенциализм.....	157
И.О. Щедрина – Концепция типов рациональности П.П. Гайденко в контексте современных проблем формирования экологического сознания.....	162

История философии

А.В. Смирнов – Априори языка и языкознания: слово и его минимальный сегмент....	167
Р.В. Псху, А.В. Парибок – Санскритская философская терминология (karma, sūkṣma, sthūla) в переводе на арабский язык (анализ « <i>Китаб батанджала ал-хинди</i> » ал-Бируни).....	181
Абу Рейхāн ал-Бируни – <i>Китаб батанджала ал-хинди</i> . Часть четвертая. Пер. с арабского Р.В. Псху.....	188
В.С. Раздьяконов – Спор о «карме»: культурная рецепция индийского концепта в отечественной философии конца XIX – начала XX в.	191

Философия и религия

А.В. Кольцов – Постметафизическое мышление, экклезиология и вопрос уникальности богословского языка. Часть II.....	202
--	-----

Критика и библиография

В.Ю. Ивлев, М.Б. Оселдчик – ЛЕБЕДЕВ С.А. Современная философия науки: монография. М.: Проспект, 2022.....	212
А.В. Марков – МАГУН А.В. От триггера к трикстеру: Энциклопедия диалектических наук. Т. 2: Негативность в этике. М.: Издательство Института Гайдера, 2022.....	216
О.А. Евреева – ФРОЛОВА М.И. Человек в гуманистической философии XX века: проблемы существования и перспективы развития. М.: ЛЕНАНД, 2022.....	218
Contents.....	222

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Априори языка и языкознания: слово и его минимальный сегмент*

© 2023 г. А.В. Смирнов

*Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.*

E-mail: public@avsmirnov.info

Поступила 05.05.2023

Язык в первую очередь и по преимуществу – проявление способности человеческого сознания к разворачиванию связности. Его трактовка как знаковой системы ставит акцент на третьестепенных свойствах человеческого языка, не являющихся для него отличительными (как лишенность перьев – для человека). Язык позволяет развернуть связность на следующих основных уровнях: текст; предложение; слово; единица, меньшая, чем слово. Данная статья посвящена последнему уровню; другие уже исследовались или будут исследованы в будущем. Разворачивание связности человеческим сознанием подчиняется априорным логико-смысловым законам. Они различны в европейской и арабо-мусульманской больших культурах, построенных (соответственно) на субстанциальной и процессуальной логиках смыслополагания. Проведенное исследование арабского литературного языка (АЛЯ) в сопоставлении с европейскими опиралось (соответственно) на положения арабской языковедческой традиции (АЯТ) и европейского языкознания. Оно выявило расхождение языковых априори в части выделения минимального сегмента речи и возможности его произнесения, а также соотношения минимального сегмента и целого слова. Поскольку язык служит важнейшим каналом разворачивания связности и таким образом встроен в когнитивную архитектуру, всеобщая наука о языке невозможна, если она не учитывает, во-первых, наличия логико-смысловых законов, задающих априори языка, и, во-вторых, различия таких априори в языках, построенных на разных логиках смысла. Выявленные априорные законы вычленения и произнесения минимального сегмента речи в европейских языках и АЛЯ (на материале АЯТ) подтверждают универсальность логико-смысловых законов, задающих априори не только теоретического мышления, но и чувственного восприятия.

Ключевые слова: харф, согласный, гласный, арабская языковедческая традиция, связность, морфема, корень.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-9-167-180

Цитирование: Смирнов А.В. Априори языка и языкознания: слово и его минимальный сегмент // Вопросы философии. 2023. № 9. С. 167–180.

* Статья подготовлена при поддержке РНФ в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы, проект № 23-28-01437 «Типология цивилизационно-специфичных рациональностей Евразии».

A priori in Language and Linguistics: Word and Its Basic Unit*

© 2023 Andrey V. Smirnov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240,
Russian Federation; Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.*

E-mail: public@avsmirnov.info

Received 05.05.2023

Language displays, first and foremost, the core ability of human consciousness to develop *svyaznost'* (coherence and linkage). To approach language as a sign system means to concentrate on its insignificant and third-rate characteristics that are not essential for it (like featherlessness for humans). Using language we can develop *svyaznost'* at the levels of text, phrase, word, and a unit less than a word. This article discusses the last level, since the other levels had been or will be investigated in other works. When developing *svyaznost'*, human consciousness is subject to *a priori* laws of sense positing. They differ in European and Arab-Muslim big cultures based (accordingly) on substance and process logics. The Arabic literary language (*fuṣṣḥā*) is analyzed in theoretical perspective of traditional Arabic linguistics (*naḥw wa ṣarf*), while the European languages are discussed from the standpoint of contemporary Western linguistic thought. As a result, differing *a priori* regularities were discovered in what regards the minimum (atomic and irreducible) unit of speech and possibility of its articulation, as well as a correlation between this basic unit and a whole word. The human language is an utterly important vehicle for developing *svyaznost'* in the overall cognitive architecture, therefore any universal language science should necessarily give account of, firstly, the fact of language *a priori* regularities, and, secondly, of their variance in languages based on different logics of sense positing. The discovered *a priori* laws that define our ability to single out and to pronounce the basic (atomic) unit of speech in European languages and in Arabic literary language confirm the universality of the laws of sense positing that set up *a priori* laws for not only theoretical thinking but for sense perception as well.

Keywords: harf, consonant, vowel, Arabic linguistic tradition, *svyaznost'*, morpheme, stem.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-9-167-180

Citation: Smirnov, Andrey V. (2023) "A *a priori* in Language and Linguistics: Word and Its Basic Unit", *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2023), pp. 167-180.

Задача данной статьи – во-первых, набросать предварительный перечень видов связности, к которым дает нам доступ язык, по возможности проследив сочленение языка и сознания в целом по этим линиям связности, и, во-вторых, показать вариативность этих способов осуществления связности на примере, с одной стороны, привычных европейскому философу и ученому европейских языков, а с другой – арабского

* The article was prepared with the support of the grant RSF in Peoples' Friendship University of Russia, No. 23-28-01437 "Typology of rationalities of the Eurasia civilizations".

литературного языка (АЛЯ), а значит, и вариативность разворачивания сознания в европейской и арабо-мусульманской больших культурах.

Любой образованный человек воспринимает язык, и прежде всего родной язык, сквозь призму тех приемов осмысления, что даны нам нашей большой культурой как общие принципы рационализации, во-первых, и как конкретная наука о языке, во-вторых. Когда мы говорим о языке, мы тем самым говорим и о науке о языке и не можем говорить о языке по-другому. Язык как предмет (а не как наша речь) не дан нам никак иначе, нежели в обрамлении и через теорию языка. Если сегодня никто не сомневается, что волновая функция дана только как теория, но не как конкретное ощущение, а следовательно, «природа» живет в голове теоретика скорее, нежели во «внешнем мире» или в наших «ощущениях», то ведь не в меньшей степени это верно в отношении языка. Если мы говорим о «звучах» и «буквах», из которых «складываются слова», если мы говорим о «предложении» и его «членах», о «согласных» и «гласных», то все это – категории, нагруженные не только конкретным содержанием науки о языке, но и общетеоретическими представлениями о принципах классификации, о дихотомии, единичном, целом и части и т.д.

Привычной презумпцией ученого и философа служит универсальность науки, поэтому к разговору об АЛЯ он будет подходить с тем же теоретическим аппаратом, который отработан на примере родных для него европейских языков. Этот подход имеет тот очевидный общий недостаток, что не позволяет подвергнуть рефлексии сам этот теоретический аппарат, начиная с его логических оснований, поскольку он применяется как готовый и единственно возможный инструмент осмысления и потому не может быть обращен сам на себя. Другим, менее очевидным, но не менее существенным, хотя уже частным недостатком служит неспособность привычного аппарата европейской лингвистики связно не только объяснить, но даже описать факты арабского языка: его применение требует введения допущений *ad hoc* едва ли не на каждом шаге, хотя даже после этого оставляет разрывы в описании и объяснении. Оба недостатка удачно устраняются обращением к арабской языковедческой традиции (АЯТ) – автохтонной науке о языке, разработавшей собственный категориальный аппарат на основе адекватных фактам арабского языка теоретических приемов, начиная с логических оснований.

Таким образом, поставленную двуединую задачу набросать виды связности, к разворачиванию которых мы способны благодаря владению языком, и показать их исходную вариативность мы будем решать через контрастное сопоставление известных читателю приемов описания языка, разработанных европейской наукой, и куда менее известных, но оттого не менее интригующих приемов описания АЛЯ, разработанных АЯТ.

Связность и уровни ее разворачивания в языке

Представляется очевидным выделение по меньшей мере следующих уровней связности: текст; предложение; слово; единица, меньшая, чем слово¹.

Текст – максимальный уровень. Текст может быть бесконечен или конечен. Текст может быть равен целому миру или его фрагменту. Текст может сворачиваться и разворачиваться: мы можем пересказать содержание текста (книги, фильма, прожитого отрезка жизни, события и т.д.) в нескольких словах или, напротив, развернуть минутное происшествие в большой текст. Текст всегда связан; бессвязность текста – либо особый прием его автора, либо признак распада на несколько отдельных текстов: разрыв связности разрушает целостность.

Предложение может быть распространенным или нераспространенным, минимальным. Минимальное предложение – подлежащее и сказуемое, субъект и предикат. Субъект-предикатная конструкция может и не составлять предложения, даже минимального: «красный шар» – не предложение (если брать вне контекста, отдельно), а «шар – красный» – предложение. «Красное» связано с «шаром» в обоих случаях, и вопрос: одинакова ли эта связь? На него приходится отвечать положительно, ведь

«красный шар лежит на столе» означает «этот шар есть красный» и «этот шар есть лежащий на столе». Значит, используя прилагательные, мы действуем в нашем сознании ту же логику связности, что обеспечивает склеивание подлежащего и сказуемого в минимальное предложение. И если выяснится, что эта логика различна в разнотипных языках, то и категории «прилагательное» или любые аналоги, применяемые для описания таких языков, окажутся лишь номинально одинаковыми, тогда как по существу будут предполагать различную логику связности, а значит, различные когнитивные акты. Могут ли другие типы связи слов в распространенном предложении быть сведены к главной – к связности подлежащего и сказуемого, а значит, может ли распространенное предложение быть понято как разворачивание этого типа связности, составляет отдельный вопрос.

Предложения, распространенные и простые, могут образовывать сложносочиненные и сложноподчиненные конструкции. Если правила связности соблюдены, сложная конструкция предложений разворачивает заложенный в ней смысл. Определение силлогизма отцом греческой логики ставит ударение именно на этом: «Силлогизм же есть речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть» [Аристотель 1978, 120]. Развитие логической теории в Европе оставило эту сторону в тени, выдвинув на первый план вопрос истинности. В силлогизме увидели, в первую и в последнюю очередь, способ доказательства, а не разворачивания речи. Изобретение математической логики довело до неподражаемого совершенства формальную сторону логики, одновременно (и именно в силу этой односторонности) окончательно закрыв путь, открытый Стагиритом, – путь разворачивания, основанный на соблюдении законов связности, стороной (но лишь одной стороной) которых служит формальная правильность.

Следующий уровень – слово². Если бы слова были знаками, если бы была верна знаковая теория языка, словам, как и любым знакам, не было бы нужды происходить друг от друга и тем самым являть свою связность – и связность сознания и мысли, стоящую за этим. Странно было бы, если бы мы сказали, что знак запрета поворота направо происходит от знака, разрешающего поворот направо: при очевидном сходстве и даже родстве двух знаков такое утверждение бессмысленно. Оно бессмысленно потому, что суть знака – в его одиночности, в его ясной отделенности от других знаков, чтобы их нельзя было спутать; а родство как раз путает и вводит в заблуждение. Разве знак «щ» происходит от знака «ш»? Графически – очевидно, что это так; но ведь так не говорят. Не говорят потому, что дорожные знаки и письменные знаки – действительно знаки, в отличие от слов: знак должен всегда сохранять связь с означаемым, а вовсе не с другими знаками.

Связность слов двояка: связность, дающая предложение (связность двух и более слов друг с другом), и связность, преобразующая одно слово в другое (словообразование и словоизменение). Слова происходят друг от друга, и этот поистине удивительный факт не привлек до сих пор достаточного внимания лишь потому, что европейская наука сосредоточилась на формальной стороне дела, оставив в тени связность. А ведь связность происхождения, расплавляющая и переплавляющая слова, позволяет нам преодолевать те категориальные границы, которые выставлены языковым, формально-логическим и метафизическим мышлением. Эти границы, с одной стороны, необходимы и оправданы: мы знаем, к какой категории должно относиться слово, которое может быть подлежащим (или другим членом) предложения, и знаем, что оно не может относиться к таким-то категориям. Эти категории различны в разных языках, но это частное различие, скорее всего, снимается формально-логическим и, далее, метафизическим мышлением, которое устанавливает свои категориальные границы, единые поверх категориальных различий языков. С другой стороны, эти границы ничтожатся фактом происхождения слов друг от друга, через все категориальные границы. «Видеть», «видение», «видимый», «видимо»: глагол, существительное, прилагательное и наречие нанизаны на одну нить, и эта нить – корень слова.

Обеспечивая межкатегориальную связность слов, факт «укорененности» слов (тот факт, что корень можно обнаружить практически у всех слов языка) одновременно разрывает связность разнокоренных слов. Корней много, и каждый корень индивидуален, отделен от других корней. Коль скоро так, то необходим уровень, меньший, чем корень, чтобы объяснить разнообразие корней. Наличие единиц этого уровня (меньшего, чем корень) позволяет «разбить» корень на составляющие и за счет их комбинирования и варьирования обеспечить многообразие корней.

Происходят ли *изначально* корни слов языка друг от друга, возникают независимо или имеют некий общий источник, вряд ли можно сегодня определить при нынешнем уровне науки о языке, а также в силу отсутствия письменных источников того периода развития языка, когда такие исходные гипотетические возникновение и трансмутация корней могли иметь место. Если когда-то это можно будет уверенно установить, мы узнаем существование новое о связности и ее разворачивании. Что касается арабского как одного из семитских языков, то в семитологии выдвинуто предположение о древнем двухсоставном строении корней³, которые «нарастили» третью составляющую. Подавляющее большинство корней АЛЯ трехсоставные [Майзель 1983, 78], хотя самый древний пласт арабской лексики обнаруживает признаки двухсоставного корня. Если это так, это означает, что корни эволюционировали и словарный состав развивался за счет добавления третьей составляющей, когда варьирование двух уже не соответствовало многообразию выражаемых словами значений. Кроме того, некоторые арабские корни, близкие по составу (например, такие, в которых составляющие их компоненты переставлены местами, либо имеющие один варьируемый компонент), родственны также и по значению⁴, что позволяет предположить, что развитие корней было по меньшей мере отчасти вызвано необходимостью выразить новые оттенки улавливаемого смысла. В дальнейшем такие оттенки могли «застывать» как новые самостоятельные значения, хотя этимология приоткрывает их общий исток⁵. Это показывает подвижность арабского корня, его пластичность и прозрачность в том смысле, что арабское языковое мышление не воспринимает его как единый неизменяемый блок, а готово «поиграть» его составляющими, причем такая игра понятна другим носителям арабского языка⁶. Такое едва ли представимо в случае европейских языков, и это различие объясняется различием логик смыслополагания. Хотя понятием корня европейское языкознание, видимо, обязано АЯТ [Габучан 1965, 114–115; Майзель 1983, 103–104], корень в арабском и в европейских языках настолько различен, что следовало бы обозначать это явление разными терминами, чтобы не проецировать неоправданных ожиданий европейского ученого на арабский языковой субстрат. Например, путаница с понятиями основы и корня, которые европейские лингвисты применяют для описания арабского языка, избыточность – с точки зрения АЯТ – понятия основы имеет своей причиной исключительно непонимание логики понятия «корень» (*'aql*) в арабском.

То, из чего составляется корень, в случае европейских языков представлено фонемами, отражаемыми на письме буквами (или их совокупностью) и предполагающими исходное дихотомическое деление «гласный – согласный». В наивном языковом сознании носителей языка это деление предстает как очевидное и ясное, хотя формально задать его безупречные критерии не столь просто. Это деление может быть усложнено введением понятия дифтонга и т.п. [Реформатский 1998, 169–190], но не может не оставаться базовым, над которым будут надстраиваться прочие варианты. Если бы это было не так, в европейских языках не могла бы работать фонематическая система смысловозначения, в которой минимальный сегмент как раз представлен звуковым субстратом в его минимальном варианте «согласный» либо «гласный». Мы различаем слова «калька» и «галька» за счет фонематического различия, за которым стоит звуковое различие единичных согласных «к» и «г», а слова «балка», «белка» и «булка» – благодаря взаимному противопоставлению гласных «а», «е» и «у», приобретенному в русском языке фонематическое значение.

В наивном языковом сознании носителя русского языка базовые элементы (согласный и гласный), перечисленные в этом своем качестве в русском алфавите, складываются

друг с другом, как кубики детского конструктора, образуя единицы большей размерности. Представление о далее неразложимых элементах (согласный и гласный), складывающихся, как кирпичики, в единицы большего размера, удобно концептуализировать с помощью понятия образной схемы в том смысле, в каком его использует С.Ю. Бородай [Бородай 2020, 482, 542; Бородай 2022^а]. Будем называть такую схему КУБИКИ⁷. Эта схематика дает возможность понимать согласный и гласный как минимальную субстанцию, своеобразный акустический атом в его субстанциальном понимании, который способен образовывать за счет «прикладывания» к себе подобным единицы большего размера, порождая таким образом иерархию языковых форм⁸. Категория «морфема» применима там (но и *только* там), где языковое сознание опирается на схематику кубиков и обосновывающую ее субстанциальную логику, задающую априорную базовую дихотомию «согласный – гласный» и возможность иерархического наращивания исходного элемента.

Что такое *ħарф*?

В АЛЯ, рассматриваемом с точки зрения АЯТ, нет морфем; основание и значение этого положения прояснятся ниже. Предельным и вместе с тем единственным сегментом членения звукового субстрата арабской речи служит *ħарф* [Габучан 1965, 121]. Иначе говоря, АЯТ не выделяет никаких других составляющих слова, кроме той, что носит название *ħарф*. Это относится и к арабскому корню, который, в отличие от корня европейских языков, не является, по выражению Г.М. Габучана, иерархически высшим уровнем словообразования [Там же, 122], не несет и не может нести никакого значения⁹, а представлен как группа *ħарфов*, выделяемых «задним числом» при сравнении близких по звучанию и значению слов, целью которого является отделить изменяемые при словообразовании *ħарфы* от остающихся неизменными при таких преобразованиях. В силу базовой логики, задающей *ħарф* в АЛЯ, корень как группа *ħарфов* (обычно три) не образует и не может образовать некоего «блока»: *ħарфы* – не кубики, прикладывающиеся один к другому, и привычная носителю русского языка и европейского сознания С-логика (и выражающая ее схема КУБИКИ) в принципе не приложима к объяснению *ħарфа*.

Тогда что же такое *ħарф*? Это слово означает «край» (подробнее о значениях слова *ħарф* см.: [Смирнов 2017, 97–99]). Край чего? Название, смущающее своей невнятностью; остается неясным, какое отношение это понятие имеет к звучанию – а ведь речь о предельном сегменте, далее неделимом, который вычленился в потоке звучащей речи¹⁰. Еще хуже (с точки зрения герменевтических ожиданий европейского исследователя) то, что *ħарф* не является понятием однозначным. Произнося слово *ħарф*, мы всегда имеем в виду также и *ħарака* – «движение»; благодаря этому движению *ħарф* движется в направлении следующего *ħарфа*, сообщает нам АЯТ. Таких «движений» в АЛЯ три, они именуются *фатħ*, «раскрытие», *каср*, «сломяк», и *дамм*, «сжатие»; эти названия отражают действия нашего артикуляционного аппарата. Но *ħарф* – это «край» не только вместе с «движением», но также и вместе с *сукўн*, «покоем». Таким образом, говоря о *ħарфе*, мы говорим о четырех вариантах: трех, где *ħарф* движущийся, и одним, где он покоящийся.

Фундаментальное понятие АЯТ не подчиняется первому и главному закону любого научного описания – закону тождества $A=A$: *ħарф* – вовсе не *ħарф*, а всегда четыре варианта *ħарфа*. Иными словами, *ħарф* всегда неоднозначен, и говоря о *ħарфе*, мы говорим не о чем-то одном, ясно зафиксированном и определенном, а о неизвестно каком из четырех вариантов, каждый из которых задается предикационно: «раскрытый (*мафтўħ*) *ħарф*», «сломяк (*максўр*) *ħарф*», «сжатый (*мадмўм*) *ħарф*», «покоящийся (*сўкин*) *ħарф*» (первые три могут быть названы все вместе «движущийся (*мутаħаррик*) *ħарф*»). Пусть так; но и это не спасает ситуацию, поскольку герменевтическим ожиданием европейца будет однозначность субъекта именно для того, чтобы было возможно варьирование предикатов: если мы не имеем однозначного

представления о том, что такое *харф*, бессмысленным будет говорить о вариантах *харфа*, поскольку вариант может быть только у чего-то инвариантного – а *харф* принципиально не инвариантен.

Лишь начав говорить об АЛЯ, взяв первое (и фундаментальное) понятие АЯТ – *харф*, мы оказались в тупике, из которого нет выхода: мы не можем *никак*, именно *никак*, встроить в систему европейского научного языка категорию *харф*, сохранив ее содержание таким, каким оно мыслится в АЯТ. Логика двух научных языков несовместима: европейский требует от понятия быть «термином», то есть быть заданным в границе твердого значения, подчиняться закону тождества; язык АЯТ требует другого – чего именно, нам предстоит выяснить, но ясно, что он не подчиняется императиву самозамыкания $A=A$. Подчеркну, что речь именно о логике, а никак не о подборе «хорошего» перевода для понятия *харф*: никакой перевод или – в крайнем случае – транслитерация не просят способ употребления этого понятия в АЯТ, поскольку всегда будут – для европейского читателя – нагружены его герменевтическими ожиданиями, противоречащими поведению понятия *харф* в АЯТ.

Харф и согласный/гласный: логика языков

Как поступает арабистика, то есть европейская наука об арабском языке? Очень просто: напрямую, без оговорок, она отождествляет понятия АЯТ с понятиями европейской науки о языке, подменяя первые вторыми. Так *харф* становится «согласным», а *харака* – «гласным» (или «огласовкой» согласного)¹¹. С подменой понятий выбрасывается логика АЯТ вместе с теми обязательствами, которые она накладывает на *харф*: эти обязательства заменяются логическими обязательствами европейского научного языка. Проследим, как это происходит и к чему приводит.

В европейском научном языке согласный и гласный определены каждый как таковой, они образуют ясную дихотомию, они, так сказать, равноправны с точки зрения своего статуса, будучи понятиями одного уровня. Но не таковы их (постулируемые) эквиваленты в языке АЯТ: *харф* «край» и *харака/сукун* «движение – покой». Движение или покой никогда не бывают сами по себе, как, впрочем, и «край»: произносятся одно, мы всегда тем самым произносим другое. Логика сочетания понятий *харф* и *харак-ка-сукун*, с одной стороны, и понятий «согласный – гласный» – с другой, не совпадает. Можно сказать, что в арабской речи нет ничего, кроме *харфов*; но если *харф*=согласный, то это утверждение абсурдно.

Арабский алфавит – это перечисление *харфов*. Простой вопрос: *что именно* перечисляет арабский алфавит? Арабистика отвечает: согласные. Выходит, арабский алфавит устроен так, что в нем «забыли» указать гласные, они как будто утерялись; при этом три согласных, а именно – ‘алиф, вāv и йā’, обозначают как согласные звуки, так и долготу гласных. Получается, долгие гласные решили все же обозначить, но не изобрели для них специальных знаков и, за неимением лучшего, использовали знаки согласных. Согласитесь, обозначать согласным долготу гласного несколько странно. Однако эти «странности» – вовсе не свойство арабского алфавита как такового, а исключительно результат применения европейского научного языка к его (алфавита) описанию. Собственно, арабского алфавита «как такового» попросту *нет* вне языка описания; алфавит не «дан» нам «как таковой», он всегда *полагаем нашим сознанием*, действующим в той или иной логике смыслополагания. Арабский алфавит в логике АЯТ – это строго перечисление *харфов*, равноправных (хотя и имеющих свои особенности) *единиц звучания языковой речи*, обозначаемых на письме соответствующими знаками. Никаких «странностей» вроде не указания гласных и использования согласных для обозначения долготы гласных в арабском алфавите попросту нет – если его рассматривать в логике АЯТ, а не в логике европейского языкознания.

Какова же собственная логика АЯТ? Это – логика протекания звучания от его начала (истока) к концу (остановке). Если согласные и гласные удобно представлять наподобие кубиков детского конструктора, из которых собираются строительные блоки

большого размера, то *харф*-край звучания, *харака*-движение звучания и *сукӯн*-остановка звучания образуют схему ВОЛНА, в которой выделяются два края (два *харфа*) и движение между ними (*харака*). Минимальная логически *полная* конструкция именно такова: два *харфа*, первый – движущийся (*мутахаррик*), второй – покоящийся (*сәкин*), связанные протеканием звучания (*харака*). Меньше быть не может сугубо логически: протекание возможно только между началом и концом.

Минимальный сегмент речи и слово

Это – чисто логическое требование, вытекающее из логики протекания (процессуальной логики), на которой построена АЯТ и которая воплощена в АЛЯ. В логике европейского языкознания это требование не может быть выражено как базовое логическое (значит, универсально обязательное). Поскольку здесь согласный и гласный являются самостоятельными единицами, далее неделимыми, то и минимальное слово может состоять из такой единицы – иначе был бы непонятен смысл выделения самостоятельной единицы. И такие слова есть в русском языке: «а», «о», «у», «в», «к» и т.п. – это самостоятельные слова. Логическая возможность подобного отдельного, самостоятельного слова обеспечена той логикой, на которой построено европейское языкознание и которая отражена в европейских языках (логика языка и логика описания языка хорошо соответствуют друг другу); неудивительно, что эта логическая возможность уверенно реализована (в частности) в русском языке. А в АЛЯ одиночный *харф* (сугубо в понимании АЯТ, то есть не одиночный согласный, а именно *харф*) невозможен ни как звук, ни как отдельное слово¹².

Это очевидно: схематика протекания (схема ВОЛНА) требует в качестве минимальной звучащей единицы, как уже было сказано, два *харфа* и *харака* между ними: первый *харф* в таком случае – движущийся, второй – покоящийся. Такова *действительная* минимальная единица в АЛЯ. Но ведь АЯТ выделяет *харф* как таковой, единичный *харф*! Если бы это было не так, арабский алфавит не состоял бы из *харфов*. Все верно; *харф* – минимальная *теоретическая* единица АЛЯ, выделяемая АЯТ, хотя в действительности одиночный *харф* не может существовать – что означает, что он не может быть произнесен (он лишен звукового бытования) и не может образовать отдельное – отделенное от предыдущего или последующего – слово. Одиночный *харф* всегда прилепляется к другому *харфу* – и только тогда может обрести действительное, а не чисто теоретическое существование в языке, как в произнесении, так и на письме. Различение действительного и теоретического бытования *харфа* снимает видимость противоречия.

Априори языка: что можно произнести

Произнесение звуков – с одной стороны, действие человека, а значит, оно подчиняется каким-то общим физиологическим законам, которые руководят нашими действиями. С другой стороны, обычно считают, что артикуляционный аппарат более-менее одинаков у всех людей как биологического вида и приспособлен именно к произнесению согласных и гласных. Если бы эта универалистская презумпция европейской науки была верна, носитель АЯТ вполне мог бы произносить определенный одиночный звук, если бы его попросили произнести такой-то *харф*. Ведь *харф* может быть и покоящимся, и тогда он должен быть артикуляционно равен тому, что европейское языкознание называет «согласным».

АЯТ сохранила для нас неоднократные и подробные описания того, как отец-основатель АЯТ Сйбавайхи просил своих коллег произнести *харфы*, движущиеся и покоящиеся¹³. Те не произносили их, а называли; названия *харфов* состоят всегда из двух или более *харфов*, подчиняясь императиву логики протекания. Сйбавайхи указывал им на их ошибку и требовал не называть, а произнести именно *харф* как таковой, движущийся либо покоящийся. Казалось бы, движущийся *харф* – это (в европейском языке описания) согласный+гласный, а покоящийся – согласный; что мешало бы

коллегам Сибавайхи произнести их именно так? Ведь артикуляционный аппарат этому никак не препятствует. Оказывается, однако, что так произнести нельзя: минимальным произносимым сегментом в обоих случаях оказывает сегмент вида «движущийся *харф* – *харака* – покоящийся *харф*» [Сибавайхи 1988 III, 320–321; Мубаррад 1994 I, 170; Ибн Джинни 1993, 6–7], то есть минимальный *процессуальный* атом звучания, включающий два *харфа*; одиночный, отдельный *харф произнести вообще нельзя* [Мубаррад 1994, 1, 174], причем это положение носит в АЯТ абсолютный характер и не знает исключений [Фролов 1991, 228].

Это действительно атом, поскольку, разрезав его в любом месте, мы его полностью уничтожим, ибо устраним возможность протекания звучания. Вот почему произнести меньше нельзя: оказывается, что логика руководит не только теоретическим описанием языка или самим языком; она руководит материальным миром. Ведь произнесение звуков – не что иное, как наше поведение в (как считают) объективном, общем и «данном» всем нам мире, и если бы это было так, законы произнесения звуков не могли бы различаться так, как они различаются в случае европейских языков и АЛЯ. Эти различия невозможно объяснить различием артикуляционного аппарата носителей европейских языков и АЛЯ (это очевидно); значит, единственное объяснение – различие логик смыслополагания, которым подчиняется сознание носителей этих языков. В одном случае мир состоит из отдельных звуков, каждый из которых задается субстанциальной логикой предикации и хорошо описывается метафизикой субстанции. В другом случае мир состоит из протеканий звучаний, задаваемых процессуальной логикой и хорошо описываемых метафизикой действия, протекающего между истоком и завершением. Поскольку мир таков в двух случаях, таково и артикуляционное поведение, приспособленное к соответствующему состоянию мира.

Логика – упрямая вещь, ее не побороть никаким авторитетом. Показателен пример двух корифеев – ал-Фарāбī и Ибн Сīны, которые попытались ввести в описание арабского языка понятия «гласный» (*харф муṣаввит*) и «согласный» (*харф ṣāmīт*), заимствованные у греков (подробнее об этом см.: [Смирнов 2017, 79–91]). Это противоречило всей логике АЯТ и потому закономерно потерпело неудачу: они в этом остались без последователей. Не менее интересен пример «теории харфа», созданной представителями московской школы арабистики. Эта теория задумывалась как теоретическое описание, избегающее редукционизма и сохраняющее особенности и стиль понимания *харфа* в АЯТ. Почему и оно потерпело неудачу? Потому что языком описания остался язык европейского языкознания с присущей ему логикой – а она несовместима с логикой АЛЯ и АЯТ. Согласно «теории харфа», *харф* – неделимая двусоставная единица вида СГ, в которой любая из позиций, но не обе сразу, может принимать нулевое значение. Не говоря уже о том, что неделимое тем самым явно делится, «теория харфа» входит в прямое противоречие с АЯТ, которую она призвана адекватно отразить: вариант ØГ допускается «теорией харфа» в качестве разновидности *харфа* как отдельный гласный, тогда как АЯТ описывает это как *харака*, а *харака* никак не может быть вариантом *харфа* и не может быть отдельно от *харфа*. Это – не единственное противоречие, но разбор других требует места, и я отсылаю заинтересованного читателя к работе [Там же, 177–195], где такой разбор осуществлен.

Хотя в этих двух случаях (Ибн Сīна и ал-Фарāбī, с одной стороны, авторы «теории харфа», с другой) действовали противоположным образом: в первом случае пытались ввести греческие термины в АЯТ, заместив ими ее собственные, а в другом, напротив, стремились сохранить собственные термины АЯТ, – на самом деле действовали одинаково, поскольку не подвергали рефлексии инструменты разума, исходя из презумпции универсальности разума и, следовательно, научной логики. Как видим, эта презумпция ложная: применение логики европейской науки как якобы универсальной к АЛЯ и АЯТ невозможно, поскольку приводит к противоречиям.

Итак, одиночный *харф* нельзя произнести, минимум произнесения – одна ВОЛНА протекания от начального *харфа* к замыкающему. А как быть со словами вроде *ва*, *фа*, *ли* и т.п., которые представляют собой именно единичные *харфы*? Они (наряду

с другими словами, состоящими из более чем одного *харфа*) образуют один их трех классов слов (*калим*) в АЛЯ, которые традиционно выделяются АЯТ. Слово может быть именем (*'исм*), глаголом (*фи'л*) или – внимание – *харфом*. Имя указывает на смысл (*ма'нан*) в самом себе, глагол – на смысл в самом себе и на время, а *харф* указывает на смысл не в самом себе.

Почему для обозначения класса слов выбран тот же термин, что и для обозначения минимального сегмента звучащей речи? Если не обращать внимания на логику АЯТ, это представляется странным. На самом же деле все правильно: *харф* – «край» в том и в другом случае, либо «край» звучания (его начало либо конец), либо «край» другого слова. Он край другого слова, потому что указывает на смысл в нем, а не в самом себе, значит, не может иметься отдельно от того слова, на смысл в котором он указывает. В европейском языкознании термин *харф* в этом смысле, как класс слов, передают как «частица» или «предлог». Если такие *харфы*-частицы (название условное) состоят из двух или более *харфов* (например, *фи* «в» и т.п.), то они пишутся отдельно, поскольку удовлетворяют требованию процессуальной атомарности (минимального произносимого сегмента). Если же они состоят из одного *харфа*, то всегда произносятся и пишутся слитно со следующим словом, поскольку, не удовлетворяя требованиям процессуальной атомарности, не могут вести отдельного существования и потому «лепятся» к следующему слову¹⁴.

Логика построения слов

Если строительным атомом слова служит понимаемый в субстанциальной логике предикации единичный и далее неделимый звук (схема кубики), согласный либо гласный, никаких *логических* ограничений на строение слова не может быть. Количество согласных либо гласных, их чередование и состав будут определяться способностью говорящего и слушающего удержать в памяти соответствующее число звуков, образующих характерные для языков «фонологические паттерны». Если же строительный атом слова – минимальный и далее неделимый процесс звучания (схема ВОЛНА: действие, а не субстанция), понимаемый в соответствии с требованиями процессуальной логики предикации, то и слово не может иметь в своем составе меньше чем два *харфа* и движение-*харака* между ними, так что первый будет непременно движущимся, а второй, замыкающий, – покоящимся: это вытекает исключительно из логики. Мы видели, что произнесение *харфов* в АЛЯ неукоснительно подчиняется этому правилу.

Эти требования являются априорными для любого носителя языка, будь то европейские языки или же АЛЯ¹⁵. Язык – не знаковая система, когда человек может подчинять себе знаки для выражения тех смыслов, которые он хотел бы передать другому. Язык – это прежде всего и по преимуществу наш, именно человеческий (не машинный и не звериный) способ развернуть связность. Это разворачивание подчиняется априорным законам, которые различны для различных логик смысла. Мы не можем менять эти законы; наша свобода в отношении них заключается в том, чтобы осознать их и, следовательно, понимать, как именно они действуют.

Вот почему носитель языка вооружен априори с самого, так сказать, начала – если началом считать произнесение минимальных единиц звукового субстрата языка. Представляется упрощенным господствующее до сих пор в лингвистической литературе представление о том, что артикуляция – это функция глотки, языка, рта и носа, так что фонетико-фонематические особенности языков зависят изначально от артикуляционного аппарата. Произносит сознание, а вовсе не «артикуляционный аппарат». Значит, априори произнесения звукового «атома» языка, минимальной единицы, которую условно можно назвать строительным атомом слова, – это априори сознания носителя языка. Совершенно замечательным открытием оказывается тот факт, что априори смыслополагания, заявляющее о себе на высших уровнях работы сознания (теоретическое мышление), точно так же проявляет себя и на базовом уровне, задавая правила и законы обработки звукового субстрата. Любая наука о языке построена на определенном

априори смыслополагания, и императив этого априори не может не проявляться на любом шаге. Если изучаемый язык построен на другой, нежели изучающее его языкознание, логике смысла и выявляет другой тип языкового априори, он не будет сколь угодно адекватно отражен. Вот почему именно АЯТ адекватно описывает и объясняет факты арабского языка, тогда как европейское языкознание безнадежно запутывается в самых простых вещах, когда речь заходит об АЛЯ. Конечно, ситуация полностью обратима, и АЯТ демонстрировала бы точно такую же беспомощность в описании фактов европейских языков. В обоих случаях априори языка и априори языкознания не совпадают, а потому описание языка не может быть адекватным.

Закон строения минимального звучания в АЛЯ руководит и пониманием того, как выстраивается слово. Минимальное слово – это минимум произнесения, и в арабском языке есть двуххарфные слова, например, *фам* «рот» или *дам* «кровь», удовлетворяющие этому априорному требованию. Минимум произнесения образует минимальное слово: это положение можно считать совпадающим для европейских языков и АЛЯ, а вот требования к минимуму произнесения в двух случаях различны, поскольку европейская и арабо-мусульманская большие культуры построены на разных логиках смысла, задающих разные априори используемым в них языкам.

Однако интересно, что *правильным* минимумом слова (а не минимально возможным словом) оказывается с точки зрения АЯТ слово из трех (а не двух) *харфов*. Вот обоснование этого. Оказывается, такое слово

подготовлено (*'удда*) к тому, что требуется мудростью установления (*хикмат ал-вад'*). Разве не видишь, что первый *харф* – для того, чтобы начать: он бывает только движущимся. Последний – чтобы остановиться: он покоится в ней (остановке-*вакф*. – А.С.), хотя движется, когда соединен [со следующим *харфом*]. А второй *харф* нужен для того, чтобы разделить эти два, чтобы остановка не шла после начала. Ведь два соседствующих – как что-то одно, тогда как начало и остановка – противоположности, поэтому их и разделили [Ибн Иййаз 2022, 23–24].

«Мудрость установления» – это мудрость Установителя языка, то есть Бога: из двух конкурирующих теорий, естественного (случайного) происхождения языка и его волевого однократного установления преимущество имела вторая. Если бы Ибн Иййаз использовал понятие априори, он бы сказал, что наиболее соответствующее априори АЛЯ слово состоит из трех *харфов*: оно «более легкое (*ахафф*) и употребительное», причем его большая легкость объясняется не малочисленностью *харфов*, когда бы двуххарфные слова вроде *ман* «кто» или *кам* «сколько» оказались бы еще более легкими [Там же]. Дело именно в *правильности* устройства именно треххарфного слова, которая обеспечивает наибольшую легкость (но не базовую возможность, которая обеспечена двумя *харфами*) произнесения и потому наиболее употребительно в АЛЯ. Ключевым в объяснении этой *правильности* служит положение о том, что «два соседствующих – как что-то одно», и именно поэтому между начальным движущимся и конечным покоящимся *харфами* оказывается еще и третий. Очевидно, что это «соседство» не подчиняется правилу транзитивности; да и само по себе это положение не отличается очевидностью: почему соседствующее оказывается как будто чем-то одним?

Этим знаком вопроса я завершу данную статью, чтобы обратиться к этой загадке в следующем исследовании. Задача, поставленная здесь, выполнена: мы наметили основные типы связности, доступ к разворачиванию которых предоставляет язык, и показали, что для единиц, меньших, чем слово, априорные законы связности различны для носителей европейских языков и АЛЯ и что они заданы (соответственно) субстанциональной и процессуальной логиками смыслополагания.

Примечания

¹ Здесь, как и в целом в статье, я ограничиваюсь опытом европейских языков и АЛЯ. Распространение этих положений на другие типы языков, связанные с другими логиками, нежели те, что рассматриваются здесь, потребует уточнений.

² О проблематичности метаязыкового статуса этого понятия см.: [Бородай 2022⁶].

³ Изложение и критику теории двухсоставной исходной «ячейки» трехсоставного корня см.: [Юшманов 1928, 22; Гранде 2001, 19–24; Майзель 1983, 95–101; Старинин 1963, 19].

⁴ С. Майзель утверждал, что он первым открыл осуществляемые в семантических целях перестановку компонентов корня (метатезу) и их чередование (аллотезу) [Майзель 1983, 33]. Эти явления действительно очевидны для носителя арабского языка и не были вовсе незамечены АЯТ.

⁵ Например, слова «гость» и «прибавление» в арабском однокоренные и имеют единый смысловой исток [Смирнов 2021, 131–135].

⁶ АЛЯ уникален в том отношении, что, во-первых, в силу культурно-исторических обстоятельств фактически не эволюционировал последние четырнадцать веков, являя нам свое древнее состояние почти неизменным, а во-вторых, имеет высокоразвитую традицию теоретического само-описания (арабская языковедческая традиция – АЯТ), основополагающие письменные источники которой относятся уже к VIII в. АЛЯ, рассматриваемый через призму АЯТ (а не европейского языкознания – это важно), – это своеобразная машина времени, позволяющая увидеть древнее состояние арабского языкового мышления и стоящего за ним мышления теоретического.

⁷ Данная схематика в европейских языках имеет непосредственное отношение к типу задеятельствованного в них предикационного механизма; я не касаюсь этого в данной статье.

⁸ Еще Н.С. Трубецкой указывал, что минимальный смысловозначительный элемент выделяется в ходе сравнения целых слов, а не дан исходно как строительный материал, из которого «складываются» слова [Трубецкой 1960, 43]. Однако выделение базового элемента «согласный/гласный», осуществляемое теоретически наукой о языке, само по себе задает сознанию носителя такого языка ясные логические требования, поэтому представление о «складывании» исходных элементов в конструкции, хотя может и не находить опоры в лингвистической науке, тем не менее является оправданным с точки зрения архитектоники сознания.

⁹ Вопреки распространенному и целиком ошибочному мнению ряда арабистов и семитологов, включая профессиональных лингвистов (например, [Майзель 1983, 87]). Это мнение о «значении арабского корня» – исключительно результат проецирования представлений о корне в европейских языках на арабский языковой субстрат, оно не находит никакого подтверждения в АЯТ, что, впрочем, вовсе не означает «нереальности» корня в АЛЯ.

¹⁰ АЯТ однозначно рассматривает язык как устный, письменные знаки лишь обозначают «на бумаге» произносимое.

¹¹ В подтверждение можно сослаться на любые арабистические работы, где если *ḫarf* и упоминается, то все равно заменяется парой понятий «согласный» и «гласный», причем это касается в равной степени и профессиональных учебников арабского, и общих работ по арабской грамматике, и узкоспециализированных лингвистических работ, написанных исключительно для арабистов; см., например: [Abu-Chakra 2007; Ayoub, Versteegh 2018; Badawi et al. 2015; Kebbe 2010; Peled 1999, 53; Fischer 2002].

¹² Это положение лишь по видимости противоречит тому, что *ḫarf* – предельный сегмент членения арабской речи; ниже это недоразумение разъяснится.

¹³ В дальнейшем эти положения были подтверждены теоретиками АЯТ как универсальные, без отсылки к этому конкретному эпизоду.

¹⁴ Это относится также к тому, что арабистика называет «грамматическими показателями» при спряжении глаголов и что АЯТ квалифицирует как отдельные слова, в том числе из одного *ḫarfa*, слитые с глаголом. Вероятно, мы здесь имеем дело с процессом грамматикализации, зафиксированным АЯТ; однако разбор этого, как ни интересен он, невозможно провести здесь, поскольку он потребует слишком много места.

¹⁵ Они априорны не в смысле универсальной врожденности человеку как биологическому виду, а в смысле предзаданности сознанию человека, уже овладевшему родным языком в ходе социализации в той или иной большой культуре, многочисленные практики которой, и прежде всего образование, переводят логику смыслополагания в область коллективного когнитивного бессознательного.

Источники и переводы – Primary Sources and Translation

Аристотель 1978 – *Аристотель*. Первая аналитика // Сочинения. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 117–254 (Aristotle, *Prior Analytics*, Russian Translation).

Ибн Джинни 1993 – *Ибн Джинни*. Сирр синā' ат ал-и' рāб (Тайна ремесла склонений и спряжений) / Ред. Ḥasan Ḥandāwī. 2-е изд. Димашқ-Байрūt: Дār ал-қалам, 1993 (Ibn Jinni, *Sirr Sina' at al-i'rab*, in Arabic).

Ибн Иййаз 2002 – *Ибн Иййāз*. Ат-Та'риф би-Дарурий ат-тасриф (Ознакомление с «Необходимым о тасриф») [Ибн Малика] / Ред. Ḥādī Naḥr, Ḥilāl Nādjī al-Muḥāmī. 'Аммān: Дār ал-фикр, 2002 (Ibn Iyyaz, *Al-Ta'rif bi-Daruri al-Tasrif*, in Arabic).

Мубаррад 1994 – *Ал-Мубаррад*. Ал-Муктадаб [Новозданное] / Ред. Муҳаммад ‘Абд ал-Халиқ ‘Удайма. 3-е изд. В 4 ч. Ал-Қаҳира: [Мағабӣ ‘ ал-ахрам ат-тиджариййа], 1994 (Mubarrad, *Al-Muqtadab*, in Arabic).

Сибавайхи 1988 – *Сибавайхи*. Китāб [Книга] / Ред. ‘Абд ас-Салām Муҳаммад Хārūн. 3-е изд. В 5 т. Ал-Қаҳира: Мактабат ал-хāнджӣ, 1988–1996 (Sibawayhi, *Kitab*, in Arabic).

Трубецкой 1960 – *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии / Пер. А.А. Холодовича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960 (Trubetzkoy, Nikolay, *Grudzuge der Phonologie*, Russian Translation)

Ссылки – References in Russian

Бородай 2020 – *Бородай С.Ю.* Язык и познание: введение в пострелятивизм. М.: Садра: ЯСК, 2020.

Бородай 2022^a – *Бородай С.Ю.* Глубинная логика и проблема схематизации // *Философский журнал*. 2022. Т. 15. № 4. С. 5–15.

Бородай 2022^b – *Бородай С.Ю.* Преодолевая словоцентризм: на пути к новым основаниям философии языка // Осознать смысл, осмыслить сознание: манифест Другой философии: сб. статей / Отв. ред. серии Р.В. Псху; отв. ред. тома А.В. Смирнов. М.: Садра, 2022. С. 301–324.

Габучан 1965 – *Габучан Г.Б.* К вопросу о структуре семитского слова (в связи с проблемой «внутренней флексии») // *Семитские языки*. Вып. 2 (ч. 1). Материалы первой конференции по семитским языкам 26–28 октября 1964 г. М.: Наука, 1965. С. 114–127.

Гранде 2001 – *Гранде Б.М.* Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2001.

Майзель 1983 – *Майзель С.С.* Пути развития корневого фонда семитских языков / Ред. А.Ю. Милитарев. М.: Наука, 1983

Реформатский 1998 – *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М.: Аспект-Пресс, 1998.

Смирнов 2017 – *Смирнов А.В.* Событие и вещи. М.: Садра, 2017.

Старинин 1963 – *Старинин В.П.* Структура семитского слова: Прерывистые морфемы. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Фролов 1991 – *Фролов Д.В.* Классический арабский стих. М.: Наука, 1991.

Юшманов 1928 – *Юшманов Н.В.* Грамматика литературного арабского языка / Ред. и предисл. И.Ю. Крачковского. Л.: Издание Ленинградского восточного института им. А.С. Енукидзе, 1928.

References

Abu-Chakra, Faruk (2007) *Arabic: an Essential Grammar*, Routledge, London, New York.

Ayoub, Georgine, Versteegh, Kees (2018) *The Foundations of Arabic Linguistics III. The Development of a Tradition: Continuity and Change*, Brill, Leiden, Boston.

Badawi, Elsaid, Carter, Michael, Gully, Adrian (2015) *Modern Written Arabic: A Comprehensive Grammar*, Revised by Maher Awad, 2nd ed., Routledge, London, New York.

Boroday, Sergey Yu. (2020) *Language and Cognition: an Introduction to Post-relativism*, Sadra, YaSK, Moscow (in Russian).

Boroday, Sergey Yu. (2022) “Deep Logic and Schemata Formation”, *Philosophy Journal*, Vol. 15, No. 4, pp. 5–15 (in Russian).

Boroday, Sergey Yu. (2022) “Overcoming Word-centrism: Towards a New Foundation for the Philosophy of Language”, Pskhu, Ruzana V., Smirnov, Andrey V., eds., *How Our Consciousness Makes Sense for Us*, Sadra, Moscow, pp. 301–324 (in Russian).

Fischer, Wolfdeitrich (2002) *A Grammar of Classical Arabic*, 3rd rev. ed., Yale University Press, New Haven, London.

Gabuchan, Grachya B. (1965) “About the Structure of Semitic Word (Regarding the Discussion of Inflexion)”, *Semitic Languages, Issue 2 (Part 1), Proceedings of the First Conference on Semitic Languages, 26–28 October 1964*, Nauka, Moscow, pp. 114–127 (in Russian).

Grande, Bentsion (2001) *Arabic Grammar in Comparative and Historical Perspective*, 2nd ed., Vostochnaya Literatura RAN, Moscow (in Russian).

Kebbe, Mohammed Ziad (2010) *A Transformational Grammar of Modern Literary Arabic*, Routledge, London, New York.

Mayzel, Solomon (1983) *Ways of Development of Semitic Stems*, ed. Alexander Yu. Militaryov, Nauka, Moscow (in Russian).

Peled, Yishai (1999) “Aspects of the Use of Grammatical Terminology in Medieval Arabic Grammatical Tradition”, Yasir, Suleiman, ed., *Arabic Grammar and Linguistics*, Routledge, London, New York, pp. 50–85.

Reformatskiy, Alexander A. (1998) *Introduction to the Science of Language*, Aspekt-Press, Moscow (in Russian).

Smirnov, Andrey V. (2017) *Occurance and Things*, Sadra-YaSK, Moscow (in Russian).

Starinin, Vsevolod P. (1963) *Structure of Semitic Word: Intermittent Morphemes*, Moscow, Vostochnaya Literatura, Moscow (in Russian).

Frolov, Dmitriy V. (1991) *Classical Arabic Verse*, Nauka, Moscow (in Russian).

Yushmanov, Nikolay V. (1928) *Grammar of Literary Arabic Language*, Leningrad Oriental Institute named after A.S. Yenukidze, Leningrad.

Сведения об авторе

СМИРНОВ Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН; главный научный сотрудник Центра исследования философии и культуры Индии «Пुरुшоттама» Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Author's Information

SMIRNOV Andrey V. – DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Main Research Fellow of the Institute of Philosophy RAS; Main Researcher, Center for the Study of Philosophy and Culture “Purushottama”, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia.

CONTENTS

Russian Philosophy of the 20th Century and its Impact in the World Intellectual Tradition. To 100 Anniversary of “Philosophers’ Ship”

Abdusalam A. Gyseyenov – Philosophy and Ideology (To the Centenary of the <i>Philosophers’ Ship</i>).....	5
Maryse Dennes – Why Didn’t He Leave? Gustav Shpet and the Revolution.....	14
Lev N. Letyagin – The Ideas and Pedagogical Experience of Russian Philosophers of the Silver Age (A Review of the Section “Philosophy of Education and the Pedagogical Heritage of the Russian Emigration”).....	22
Dmitry V. Maslennikov, Vladimir A. Egorov – A Review of the Section “Russian Emigration: Religion, Philosophy, Culture”.....	26
Pavel A. Olkhov, Elena N. Motovnikova – Historical Understanding: The Experience of the “Gone Race” (A Review of the Section “Hermeneutic Tradition in Russian Philosophy of the 20th Century”).....	29

Philosophy and Culture

Vladimir K. Shokhin – Philosophical Disintegration and A Chance of Practical Philosophy.....	32
Mustafa I. Bilalov – Cognitive Culture and Notions of Truth.....	45
Tatiana Yu. Sidorina – Homo Irretitus & Homo Faber: a Worker at Risk.....	50
Aleksandr V. Shchipkov – Transformation of Identity and Rehabilitation of Ideology in the Conditions of Growing Global Crisis.....	60

Philosophy and Science

Vladimir N. Porus – Political Agency of Science as a Theme of Philosophy of Science.....	71
Irina A. Beskova – Natural and Artificial Intelligence: Points of Contact.....	83
Diana E. Gasparian, Dmitrii S. Turko, Elena V. Besschetnova – Ethical Possibilities of Using Artificial Intelligence: Cultural and Philosophical Analysis.....	93
Stanislava A. Filipenok – Tacit Knowledge in Digital Humanitaristics.....	103
Victor S. Levysky – Ontology and Schematism of the Philosophy of History.....	114

To 130 Anniversary of Alexei F. Losev

Petr V. Rezvykh – A.F. Losev on the Classification of Arts in the German Aesthetics: Theses of 1933.....	125
Aleksei F. Losev – Classification of Arts in the German Aesthetics, ed. by Rezvykh, Petr V.	134
Irina V. Gravina – The Return to Apophaticism: Neo-Platonism of Alexey Losev and Jacques Derrida.....	141

A Breakthrough to the Transcendence

Materials of Conference In Memoriam of Piama P. Gaidenko

Daria N. Drozdova – Piama Pavlovna Gaidenko as Historian of Science.....	151
Igor A. Mikhaylov – The Path to “Normal Science” Through Existentialism.....	157
Irina O. Shchedrina – P.P. Gaidenko’s Concept of Types of Rationality in the Context of Modern Problems of the Development of Environmental Consciousness.....	162

History of Philosophy

Andrey V. Smirnov – <i>A priori</i> in Language and Linguistics: Word and Its Basic Unit.....	167
Ruzana V. Pskhu, Andrei V. Paribok – Sanskrit Philosophical Terminology (Karma, Sūkṣma, Sthūla) Translated into Arabic (Based on al-Bīrūnī’s “Kitāb bātanjala al-hindī”).....	181
al-Bīrūnī – Kitāb bātanjala al-hindī, Trans. From Arabic by Ruzana V. Pskhu.....	188
Vladislav S. Razdyakonov – The Dispute over “karma”: the Cultural Reception of the Indian Concept in Russian Philosophy in the Late 19th and Early 20th Centuries.....	191

Philosophy and Religion

Alexander V. Koltsov – Postmetaphysical Thinking, Ecclesiology and the Problem of a Unique Theological Language. Part II.....	202
---	-----

Book Reviews

Vitaly Yu. Ivlev, Mikhail B. Oseledchik – LEBEDEV, Sergei A. (2022) <i>Modern Philosophy of Science: Monograph</i>	212
Alexander V. Markov – MAGUN, Artemy V. (2022) <i>From Trigger to Trixter:</i> <i>An Encyclopedia of Dialectical Knowledge, Vol. 2, Negativity in Ethics</i>	216
Olga A. Evreeva – FROLOVA, Maria I. (2022) <i>Human in Humanistic Philosophy of 20th century:</i> <i>Problems of Existence and Prospects of Development</i>	218